

*Посвящается Джасперу.
С появлением на свет.*

Эта история — ложь.

1

ШИФР

ПНФЪ

11010000 10011000 11010000 10111101 11010000
10111110 11010000 10110011 11010000 10110100
11010000 10110000 00100000 11010001 10000001
11010000 10111100 11010000 10110101 11010000
10111011 11010000 10111110 11010001 10000001
11010001 10000010 11010001 10001100 00100000
11010001 10001101 11010001 10000010 11010000
10111110 00100000 11010000 10111111 11010000
10111110 11010000 10111101 11010000 10111000
11010000 10111100 11010000 10110000 11010000
10111101 11010000 10111000 11010000 10110101
00100000 11010001 10000010 11010000 10111110
11010000 10110011 11010000 10111110 00101100
00100000 11010001 10000111 11010000 10110101
11010000 10110011 11010000 10111110 00100000
11010001 10000010 11010001 10001011 00100000
11010000 10110001 11010000 10111110 11010000
10111000 11010001 10001000 11010001 10001100
11010001 10000001 11010001 10001111 00100000
11010000 10110001 11010000 10111110 11010000
10111011 11010001 10001100 11010001 10001000
11010000 10110101 00100000 11010000 10110010
11010001 10000001 11010000 10110101 11010000
10110011 11010000 10111110 00100000 11010000
10111101 11010000 10110000 00100000 11010001
10000001 11010000 10110010 11010000 10110101

СЕЙЧАС

Мама находит меня в кладовке. Я вжался в угол и вздрагиваю от резкого света, заполнившего дверной проем. У меня во рту кровь и осколки керамики.

Хочется их выплюнуть, но тогда она увидит мессиво, в которое превратили мои десны осколки солонки. Острые углы так и вонзаются под язык и колют мягкое нёбо, но глотать нельзя — осколки могут встать поперек горла. Соль в порезах на языке лютует. Я пытаюсь улыбнуться маме, напрягая как можно меньшее количество лицевых мышц. Капля слюны просачивается сквозь губы и мажет подбородок красным.

Мама переводит дыхание, берет себя в руки и врывается в кладовку. Она прикладывает к моим губам ворох бумажных полотенец.

— Плюй, — командует она.

Я плюю. Мы разглядываем сгусток у нее на ладони. Он похож на миниатюрное поле боя: кровь и крошки фарфоровых костей — как будто я вы-

харкал останки сражения, развернувшегося только что в моей голове. Мама тычет в это безобразие пальцем.

— Почему не считал? — спрашивает.

Я пожимаю плечами. Она цокает языком и вздыхает. Мама говорит:

— Открой рот.

Не сразу, но я запрокидываю голову и разеваю рот.

— Аааа. Нне теерь нушны ломбы?

Она смеется, и, слыша это, я немного расслабляюсь. Ее руки, теплые и уверенные, поворачивают мою челюсть к свету. Смех смолкает.

— Ох, Питти, — шепчет она, — зачем же ты так с собой.

— Фсё так лоха?

— Могло быть и хуже. Обойдется без больницы, но все же...

Она достает из кармана халата пару тонких медицинских перчаток и натягивает их.

Медицинские перчатки, соображаю я как сквозь вату. В халате. В четыре часа утра. Ничего себе, какой я предсказуемый.

Она тянется к моему рту.

— Готов? — Я сжимаю ее руку. — Три, два, один, и... поехали.

Она поочередно выдергивает из моих десен застрявшие осколки, отчего я каждый раз вздрагиваю, и они с тихим звоном осыпаются на пол. Дольше солонки зажато у меня в правой руке. Белые зубцы раскучеренных стенок торчат из-под паль-

цев, как зеркальное отражение уничтоживших ее зубов. До сих пор чувствую, как крошится керамика. Паника давит на челюсти, как рычаг, все крепче и крепче зажимая солонку в тиски моих зубов, пока я не понимаю, что нажал слишком сильно, и чувствую взрыв шрапнели у себя во рту.

Закончив, мама снимает перчатки, комкает их и запихивает на одну из пустых полок. Из другого кармана халата она достает маленькую ручку и черную записную книжку. Я смотрю на блокнот с ненавистью, хотя понимаю, что по-другому она не умеет: она человек науки.

— Ну, — говорит мама, — рассказывай.

— Что рассказывать?

Она сверлит меня Взглядом № 4. Все, у кого есть родители, знают этот взгляд. Он как бы говорит: «Пока что, родной, ты в дерьме всего по щиколотку, но если продолжишь испытывать мое терпение, тебе понадобится акваланг».

— Пусть это только у тебя в голове, Питер Уильям Блэнкман, но я вытащу из тебя это наружу, — говорит она, пряча ручку в кулаке, и хватает с полки консервный нож. — Даже если придется пустить в ход вот это.

Я хмыкаю, и отголоски приступа немного отступают.

— У меня был приступ, — признаюсь я.

— Это я поняла. Мы говорили о том, чтобы попробовать преодолеть это с помощью счета.

— Я пробовал.

— И как?

Я смотрю на месиво в своей ладони.

— Безуспешно.

Еще один Взгляд, продолжительный и строгий, переходящий в № 5: «Мы знать способы, чтобы заставить вас говорить, герр Блэнкман», но вслух она говорит другое:

— Почему безуспешно?

Я ощупываю языком ранки под губами и морщусь.

— У меня кончились числа.

На смену Взгляду № 5 приходит откровенное недоверие.

— У *тебя* кончились числа?

— Да.

— Питер, ты один из лучших математиков среди ребят своего возраста в Лондоне, а может, и во всей стране.

— Ну, так уж и в стране... — Да, так уж и в стране. Если вы думаете, что я не слежу за рейтингами, то вы спятили. — Но...

— Тебе ли не знать, что числа *не могут* закончиться. Просто продолжай добавлять по единице, и дело в шляпе! Новое число готово. Как по волшебству.

— Знаю, но...

— Только это не волшебство, — продолжает издеваться она, — а обычная математика, — и скрещивает руки на груди. — Если тебе удалось исчерпать безграничный ресурс натуральных чисел, Питер, только *представь*, что ты делаешь с моим терпением.

Молчание. Я бросаю взгляд на дверь кладовки и подумываю о том, чтобы броситься к ней.

— Питти, — говорит мама, и сарказма в ее голосе как не бывало. Тени у нее под глазами кажутся глубже, и тут я со всей отчетливостью осознаю, насколько важный завтра предстоит день и что каждая секунда, проведенная здесь со мной, по капельке лишает ее сна. — Зачем ты грыз посуду? Поговори со мной.

Я дую щеки.

— Ладно...



Признаю, это целиком и полностью мой косяк, тактическая ошибка. Я чувствовал приближение приступа за версту. Я должен был успеть подготовиться.

На часах было три двадцать девять, а я все никак не мог уснуть. Глаза превратились в булыжники, и потолок перед ними деформировался и волнился, точно океан кремового цвета.

Завтра важный день, думал я. Важный день начнется уже через три часа тридцать одну минуту, так что неплохо было бы закрыть глаза и немного поспать. Ничего не получалось, потому что я знал, что вставать нужно через три часа и тридцать одну минуту, и это меня нервировало.

Важный день, Питти. Непомерно, несказанно важный, и очень, очень публичный. Одним неверным движением ты испортишь жизнь не только

себе, но и всей своей семье, так что постарайся, постарайся уснуть — тебе это нужно.

Я таращился в потолок. Посмотрел на часы. Три часа двадцать девять минут. Идеальные условия.

Питер, внимание всем постам. Это центр управления полетами. Мы в полной боевой готовности. Даю разрешение, повторяю, даю разрешение на гребаный истерический припадок.

Все началось как обычно: тянущая боль в животе, которую раньше я принимал за голод, вот только никакая еда не могла бы его утолить.

Три часа пятнадцать минут. Три часа четырнадцать минут и пятьдесят три секунды, пятьдесят две секунды, пятьдесят одна... Это же одиннадцать тысяч шестьсот девяносто секунд. Я не успею.

Чувствуешь? Чувствуешь тошноту? Если закрыть глаза, можно ощутить, как она разбухает в животе, и это еще цветочки. Ты станешь сомнамбулой, и постарайся сделать все в лучшем виде. Потому что стоит тебе оступиться хотя бы на полшага, и приступ настигнет тебя *там*. Не *здесь*, не дома, где мама и Белла придут на помощь, а там, во внешнем мире, где тебя увидят — увидят люди, которые будут снимать всё на свои телефоны. И тогда это окажется на YouTube — твоя кровь попадет в цифровое море. Она расплывется повсюду и замарает собой все. И все увидят, и осудят, и узнают.

Я тяну время. Мамина ручка зависла над блокнотом.

— Физические симптомы — как обычно? — спрашивает она.

— Тяжесть в груди, — подтверждаю я, загибая пальцы. — Учащенный пульс. Головокружение.

— Ладони?

— Взмокли, как паховый бандаж Лэнса Армстронга.

Снова Взгляд № 4.

— Можно и без красочных сравнений, Питер.

— Прости. — Я закрываю глаза и вспоминаю: — В общем, я испробовал три линии обороны, как мы и говорили...

ПЕРВОЕ: *Двигайся.*

Я выскочил из постели и бросился к лестнице. Движение полезно: движение разгоняет кровь по венам, по мышцам. Оно вынуждает дышать, когда каждый вдох дается с трудом.

ВТОРОЕ: *Говори.*

Я — скороварка, а мой рот — выпускной клапан. Сквозь стиснутые зубы я выпускаю наружу поток лихорадочного бреда, кружившего у меня в голове. Иногда мне достаточно услышать бред, который приходит в голову, чтобы убедиться в том, какая же это чушь.

— У тебя случится величайший, эпический публичный приступ паники в истории мира. Ты станешь вирусным видео. Да каким вирусным, блин, пандемическим. Люди начнут снимать реакции детей на реакции детей на твой приступ, и их реакции наберут сотни миллионов просмотров. Ты изменишь лексикон. Слово «припадок» исчезнет из

обихода, вместо него будут говорить «Питти», типа «у него случился Питти». В следующий раз, когда возведенную на коленке урановую электростанцию смоеет приливом, а циркониевые прутки пойдут трещинами, и гамма-излучение затопит окружающие города онкологической эпидемией, каждая передовица каждого новостного сайта в интернете будет пестреть заголовками о «Ядерном *Питти*»!

Ладно, это немного чересчур. Я понемногу успокаивался.

— Ты публично обосрешься, в самом прямом смысле.

Я споткнулся на нижней ступеньке. *А вот это* уже звучало чудовищно правдоподобно.

Я побежал на кухню, налетел на угол стола, как какая-то неуклюжая балерина, и принялся лихорадочно метаться по комнате в поисках чего-то, за что можно было бы зацепиться. Но я увидел только открытые полки, заставленные пачками с хлопьями и макаронами, шкафчики из сосны, большой серебристый холодильник и мое мутное, жуткое отражение. На плите горели зеленые цифры часов: 03:59.

Десять тысяч восемьсот одна секунда.

ТРЕТЬЕ: *Считай.*

Отвлечься. Расщепить приступ на фрагменты и пересчитать их — эти маленькие временные буйки. Сосредоточиться на том, чтобы удержать голову над водой, пока не доберешься до следующего.

— Один, — сказал я. — Два.

Но мой настоящий голос вслух звучал слабо, как из-под крышки, по сравнению с обратным отсчетом, идущим в голове.

Десять тысяч семьсот девяносто секунд...

— Три... четыре... — выдавил я, но ничего не помогало.

Отдельная часть моего мозга взяла счет на себя, чтобы панике ничто не мешало и ничто ее не сдерживало. Чтобы отвлечься от болезненного ощущения в нижней части живота, требовалось что-то другое, какая-нибудь более сложная головоломка.

— Вот тут-то я и облажался, — рассказываю я маме.

— Да ну?

— Я перестал считать целые числа и перешел к квадратным корням из них.

Мама не сводит с меня глаз.

— Сколько знаков после запятой? — спрашивает она в конце концов.

— Шесть.

Она морщится.

— 2,828427; 3; 3,162278; 3,316... — Я запнулся. Слоги теснились во рту, как мраморные шарики, липкий пот на ладонях и между лопатками. Я попробовал еще раз: 3,316...

Бесполезно: у меня заканчивались числа.

Я в отчаянии огляделся, ища что-то еще — что угодно, лишь бы заполнить чем-то ревущий водоворот внутри меня. Глаза защипало, сердце пьяно заколотилось под ребрами. В тусклом свете улич-

ного фонаря кухня словно *сжималась*, стены заваливались друг на друга. На секунду мне показалось — я слышу, как скрипят балки.

Иногда, когда становится совсем плохо, я вижу и слышу то, чего нет. *Черт*. Как все до этого дошло? Я насилиу сглотнул и потянулся к экстренной кнопке — «в случае аварии разбить стекло» — в последней попытке сохранить рассудок.

ЧЕТВЕРТОЕ: *Поешь.*

Я бросился к холодильнику и вытащил из него контейнер с карри, оставшимся с ужина. Липкое коричневое месиво морозило пальцы, когда я запустил пятерню в контейнер и начал поглощать еду. Я жевал торопливо, задним умом беспомощно понимая, что не смогу заполнить вакуум внутри достаточно быстро; надеясь, что вес пищи придавит поднимающуюся из желудка панику и не выпустит ее наружу.

— И дальше пошло-поехало.

Мама хмурится и строчит в блокнот. Она делает пометки лишь изредка, отмечая детали, которые, как ей кажется, могут оказаться важными при последующем анализе.

— Допустим, — говорит она. — У тебя кончились числа, и ты поел. Ситуация не идеальная, но на тот момент ты сделал все, что мог. Однако это, — она кивает на половинчатую солонку в моем кулаке, — едва ли оптимальный вариант для заедания стресса.

Не сводя с меня глаз, она высвобождает солонку из моей хватки и кладет мне в ладонь свою руку. Ее пальцы сжимают мои. Она распахивает дверь кладовки и выводит меня из укрытия. Кухня выглядит так, словно футбольные фанаты устроили здесь погром. Шкафы распахнуты настежь, ящики сорваны с реек и опрокинуты на пол. Повсюду валяются картонные коробки, банки из-под солений, обертки, шкурки и кусочки засохших макарон. Пол припорошен мукой, как ленивым английским снегопадом.

— У меня кончились числа, — шокированно бормочу я. Я даже не помню, как это сделал. — А потом... — и я сгораю со стыда, охватившего меня, как огонек, взметнувшийся по листку бумаги, — у меня кончилась еда.

Мама щелкает языком по внутренней стороне зубов. Она закрывает блокнот, кладет его в карман, присаживается на корточки среди мусора и начинает наводить порядок.

— Мама, — говорю я тихо, — давай я.

— Иди спать, Питер.

— Мам.

— Тебе нужно выспаться.

— А тебе не нужно? — я чуть ли не вырываю ящик из ее рук. — Это тебе через семь часов вручают награду. Ты будешь произносить *речь*.

Я не могу придумать ничего страшнее, чем произнести речь перед публикой. А я провожу немало времени думая о страшных вещах. Мама сомневается.

— Пожалуйста, мам. Давай я уберу. Мне станет легче.

Мама видит, что я говорю серьезно. Она целует меня в лоб и встает.

— Ладно, Питер. Я люблю тебя, слышишь?

— Да, мам.

— Мы справимся. У нас все получится.

Я не отвечаю.

— Пит? Мы *справимся*. Вместе.

— Я знаю, мам, — вру я.

Мама пробирается к выходу, лавируя между разбитым стеклом и лужами сока. Уже на выходе она наклоняется, чтобы поднять упавшую фотографию, отряхивает ее и ставит обратно на холодильник. Это черно-белый снимок Франклина Рузвельта с подписью: «Нам нечего бояться, кроме самого страха». Мама находит эту цитату мотивирующей, я — не очень. Через восемнадцать дней после того, как были изречены эти слова, нацисты перерезали ленточку первого концлагеря в Дахау.

Ну, господин президент? Тут немецкие евреи хотели бы обсудить с вами вашу философию.

Я задвигаю ящики на место, переворачиваю тридцать второго президента Соединенных Штатов лицом вниз и беру за швабру.

У меня кончилась еда. Я сказал правду — технически так и было, — и мама поверила. Я не стал говорить, что, наворачивая карри, я старательно отводил взгляд от ножей, ножниц и острых углов столешницы, а когда вгрызался в солонку, то почув-

ствовал не то, как отступает что-то плохое, а как наваливается что-то худшее.

Я то и дело прерываюсь, чтобы сбегать в туалет и проблеваться. Живот вмещает до четырех литров спрессованной пищи, но не *бесконечно* же. (Желудочная кислота в израненной ротовой полости, между прочим, самая маковка в диаграмме Венна между «тьфу» и «ай».) Я чувствую себя так, будто меня вывернули наизнанку и мои внутренности висят на мне, как промокшая кофта.

Я отмываю полки холодильника от пролитого молока, когда слышу тихое щелк-щелк-щелк. Звук доносится из телефонного аппарата на столе. Трубка лежит на рычаге криво. Наверное, им пользовалась мама — я не знаю никого, кроме нее, кто бы до сих пор пользовался стационарным телефоном. С кем она могла разговаривать в 4:29 утра?

Жестяная банка с лязгом прокатывается по кафельному полу. Я дергаюсь, но, обернувшись, успокаиваюсь. Это Бел.

Мы с ней, конечно, не похожи как две капли воды, но сходство есть: та же кожа, круглый год усыпанная веснушками, те же темно-карие глаза, мамин острый нос и не менее острые скулы, и... Ну, и от папы мы, наверное, что-то унаследовали. Помимо очевидного, есть и различия: она красит волосы в малиновый цвет, а когда улыбается, на щеках появляются глубокие ямочки. Да, и только мне досталась вмятина размером четыре на два сантиметра над левым глазом. Как будто неосторожный гончар оставил отпечаток большого паль-

ца, погружая меня в печь для обжига. Врожденный недостаток.

Только ничего врожденного в нем нет даже близко.

Сестра топает на кухню, сонно почесывая голову. Обводит взглядом погром, пожимает плечами, как будто ничего такого не произошло, и опускается на колени. Я сажусь с ней рядом, и мы наводим порядок сообща: разбираем, чистим, чиним и раскладываем.

Я не прошу ее прекратить. Перед ней мне не стыдно. Перед ней мне не бывает стыдно. Мы отличная команда.

Я плохо закрутил кран, и вода капает в раковину с таким звуком, точно птица стучит в окно.